

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Российская революция и латиноамериканские левые

Вадим Дамье

Вадим Дамье
Российская революция и латиноамериканские левые

Скопировано 2018-01-13 с
<http://www.aitrus.info/node/5052>
Опубликовано: "Альтернативы". 2017. №3. С.139-155.

ru.theanarchistlibrary.org

Оглавление

Исторический контекст	5
Аналогии и параллели	8
Марксисты и революция в России	11
Российская революция и анархисты Латинской Америки	19
Список литературы	29

Rapoport M. Bolchevique de salón: Vida de Félix J. Weil, el fundador argentino de la Escuela de Frankfurt. Buenos Aires, 2014.

Roberts K.R. Deepening Democracy? The Modern Left and Social movements in Chile and Peru. Stanford, 1998.

Rodrigues E. Pequena história da imprensa social no Brasil. Florianópolis, 1997.

Roquette Lopreato Ch. O espírito da revolta: a greve geral anarquista de 1917. São Paulo, 2000.

Santos Ferraris A. Dictadura proletaria // Prometeo. Quincenario. Buenos Aires, 1919. No.2. Septiembre. P.3.

Spenser D. El triángulo imposible: México, Rusia Soviética y Estados Unidos en los años veinte. Mexico, 2004.

Taibo P.I. Los Bolshevikis: historia narrativa de los origenes del comunismo en México, 1919–1925. México, 1986.

Walter R.J. The Socialist Party of Argentina 1890–1930. Austin, 1977.

В сентябре 1923 г. мексиканский посол в США Мануэль Тельес встретился с неофициальным представителем советского НКВД Борисом Сквирским для обсуждения вопроса об установлении отношений между Советским Союзом и Мексикой. После встречи посол сообщал в мексиканский МИД о том, что заявил советскому дипломату следующее: "... Поскольку революция в России произошла позже и поскольку она в отдельных аспектах, похожа на нашу революцию, то в Мексике не испытывают недостатка таких же чувств по отношению к России, какие он мне выразил" [Советско-мексиканские отношения, 1981: 15]. Стремление сопоставить эти события, поставить их в один ряд – свидетельство того интереса, который вызвала Российская революция в странах Латинской Америки.

Исторический контекст

Для того, чтобы понять, что могло заинтересовать латиноамериканских левых в примере и опыте Российской революции – опыте как позитивном, так и негативном, – стоит упомянуть о том, что из себя представляли левые Латинской Америки на рубеже 1910-х и 1920-х годов. Это был целый конгломерат разнородных и различных по своим взглядам идейных и политических движений и организаций, которые нередко соперничали и ожесточенно боролись между собой. Здесь действовали марксистско-социалистические организации и группы, ориентированные в большей степени на социальные реформы, но включавшее и радикальное крыло. Наиболее заметными из них были социалистические партии в Аргентине и Чили. Большой популярностью пользовались анархизм и революционный синдикализм – за сторонниками этих идей и представлений шли сотни тысяч рабочих в профсою-

зах таких стран, как Аргентина, Бразилия, Уругвай или Перу. В некоторых странах между анархистами и марксистскими социалистами еще не произошло окончательного размежевания, и они сотрудничали в профсоюзах, как было, к примеру, в Мексике, на Кубе или в Боливии. Отдельным мощным течением того времени можно считать аграристское движение, которое вело борьбу за возвращение земель крестьянам, в первую очередь – крестьянским общинам; наиболее ярким примером такого рода можно считать "сапатизм" в период Мексиканской революции. Наконец, активизировался и так называемый "национал-реформизм" – течения, которые отстаивали особую специфику стран региона и выступали за своего рода "третий путь" между капитализмом и социализмом, достигаемый посредством политических и экономических реформ, осуществляемых государством...

В конце 1910-х – начале 1920-х гг. левые движения в регионе в целом находились на подъеме, что определялось всей сложившейся исторической обстановкой. Информация о революционных событиях в России стала докатываться до Латинской Америки на фоне общей ситуации, которая складывалась под воздействием Первой мировой войны на эти страны, удаленные от главных театров боевых действий. Потребности рынка воюющей Европы в сырье и продовольствии, отрезанность от поставок из Европы – все это способствовало развитию промышленности стран Латинской Америки, строительству новых фабрик, увеличению числа наемных работников. Но экономический бум и увеличение прибылей предпринимателей не сопровождались подлинным ростом уровня жизни трудящихся. Они страдали от стремительно разворачивавшейся инфляции, всеобщего подорожания товаров и услуг, расцвета спекуляции. Рабочих становилось все больше, они все явственнее ощущали свою силу, но положение их ухудшалось. В годы

Juan B. Justo // Iberoamericana. América Latina – España – Portugal. Revista interdisciplinaria de literatura, historia y ciencias sociales. 2007. Vol.VII. No.28. P.25–41.

Del Valle Iberlucea E. La revolución rusa. Buenos Aires, 1934.

Escalante R. Estado y Burocracia // La Protesta. Suplemento Semanal. Buenos Aires, 16.01.1922. No.2. P.5.

Flores Magon R. La revolición rusa // Regeneración. Periodico Revolucionario. Los Angeles, 16.03.1918. No.262. P.1.

Gilly A. La revolución interrumpida. 2a edición. México, 2007.

Grez Toso S. González Vera: de muchacho anarquista a hombre de izquierda // Anales de literatura chilena. 2013. No.19. Junio. P.183–210.

Hart J.M. Anarchism and the Mexican working class, 1860–1931. Austin, 1978.

La consolidación de los derechos adquiridos // La Protesta. Suplemento Semanal. Buenos Aires, 27.02.1922. No.8. P.1.

Massardo J. La formación del imaginario político de Luis Emilio Recabarren. Santiago de Chile, 2008.

Melgar Bao R. Redes y representaciones cominternistas: el Buró Latinoamericano (1919–1921) // Universum. Revista de Humanidades y Ciencias Sociales. Talca, 2001. No.16. P.375–405.

Monteón González H. La solidaridad: un puente que unió a México y la Rusia soviética // Espiral. Estudios sobre Estado y Sociedad. Guadalajara, 2011. Vol.XVIII. No.51. Mayo / Agosto. P.73–102.

O`Toole G. Politics Latin America. Harlow, 2007.

Pittaluga R. De profetas a demonios: Recepciones anarquistas de la Revolución Rusa (Argentina, 1917–1924) // Sociohistórica. 2002. No.11–12.

Казаков В.П. Российские рабочие организации в Аргентине и Коминтерн Левая альтернатива в Латинской Америке / *Латиноамериканский исторический альманах*. 2016. №17. С.277–280.

Казаков В.П. Социалистическое движение в Аргентине (в конце XIX – начале XX века) // *Левая альтернатива в Латинской Америке / Латиноамериканский исторический альманах*. 2016. №17. 2016. С.28–79.

Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919–1932. М., 1933.

Очерки истории Чили. М., 1967.

Советско-мексиканские отношения, 1917–1980. Сборник документов. М., 1981.

Addor C.A. *A insurreição anarquista no Rio de Janeiro*. Rio de Janeiro, 1986.

Alba V. *Politics and the Labor Movement in Latin America*. Stanford, 1968.

Antilli T. *Comunismo y anarquía. Toda la tendencia humana es al comunismo y la anarquía* (1919). Buenos Aires, 2014.

Barbosa Nébias W. *A greve geral e a insurreição anarquista de 1918 no Rio de Janeiro: um resgate de atuação das associações de trabalhadores*. Dissertação... para obtenção de título de Mestre em História Comparada. Rio de Janeiro, 2009.

Bericht der "Federacion Obrera Regional Argentina" – Regionale Arbeiterföderation Argentinien zum zweiten Kongress der Internationalen Arbeiter-Assoziation (I.A.A.) // *Die Internationale. Organ der Internationalen Arbeiter-Assoziation*. Berlin, 1925. Nr.5. Juni.

Cubero J. *Reflexos da Revolução Russa no Brasil* // *Boletim do Centro de Cultura Social*. São Paulo, 2007. No.24 (3). Setembro. P.3–4.

Da Orden M.L. *Socialismo y nación en la Argentina moderna: un recorrido a través de las ideas y prácticas políticas de*

войны по многим странам континента прокатились волны массовых протестов и забастовок против роста цен на основные продукты и товары. Эти социальные движения сопровождались усилением радикальных настроений, распространением анархистских взглядов и революционно-синдикалистских методов действий. Крупнейшим выступлением такого рода стала всеобщая стачка, охватившая бразильский штат Сан-Паулу в июле 1917 г. Она вспыхнула в ответ на убийство конной полицией рабочего-анархиста из Испании Хосе Мартинеса, распространилась на 70 тысяч трудящихся и полностью парализовала хозяйственную и общественную жизнь. Забастовку возглавляли профсоюзы, находившиеся под влиянием анархо-синдикалистов, а ее ход координировал Комитет пролетарской защиты, одним из руководителей которого был анархист Эдгард Леуенрот. Бастующие потребовали повышения зарплаты на 25-35%, освобождения всех арестованных активистов, полной свободы организации профсоюзов, запрета детского труда и ночного труда женщин, установления 8-часового рабочего дня и т.д. В результате выступления рабочие добились повышения зарплаты [Roquette, 2000]. Стачки и протесты перебрались на Рио-де-Жанейро, южный штат Риу-Гранди-ду-Сул и другие районы Бразилии, причем отмечалось влияние сообщений о революции в России на профсоюзных активистов упомянутого штата.

Мексиканская революция и революция в России усилили бунтарские настроения. В 1918 – 1923 годах практически вся Латинская Америка переживала бурный социально-революционный подъём, который проявлялся в самых различных формах – бунтов, манифестаций протеста, стачек, всеобщих забастовок и революционных восстаний. К крупнейшим выступлениям пролетариата этих лет относятся: всеобщая стачка в Буэнос-Айресе, организованная в январе 1919 г. аргентинскими анархистами и синдикалистами

("кровавая неделя"), возглавленные анархистами всеобщие забастовки в Перу за 8-часовой рабочий день и против дороговизны в январе и мае 1919 г., всеобщая забастовка на Панамском канале (февраль 1920 г.), забастовка и восстание рабочих Патагонии (1921 г.), всеобщая стачка в эквадорском Гуаякиле (ноябрь 1922 г.) и др.

Аналогии и параллели

Первая реакция подавляющего большинства латиноамериканских левых на революцию в России оказалась восторженной. Многие радикалы региона были очарованы Российской революцией даже больше, чем их товарищи в Европе – хотя бы уже в силу географической удаленности и отсутствия достоверной информации. Тем сильнее оказывался соблазн воспринять заявления и действия большевиков не как то, чем они были в реальности – не как установление нового авторитарного режима, – но как нечто, соответствовавшее желаемому различных левых течений в Латинской Америке.

Сообщения о том, что в далекой России, на другом конце Земного шара, трудящимся удалось свергнуть деспотическое самодержавие, а затем и буржуазное правительство – правительство войны, что рабочим где-то удалось взять в свои руки предприятия, на которых они работали, а крестьянам – овладеть землей, не просто вызывали чувства симпатии, поддержки и солидарности с теми, кто осмелился подняться на борьбу. Раз получилось "у них", в России – почему не может получиться здесь, "у нас"? Таков был вопрос, который задавали себе левые в Латинской Америке. Более того, продолжая ту же логику, стоило подумать над тем, чтобы самим применить те методы и формы, которые привели к успеху в России. Тем более что, даже согласно

(РГАСПИ. Ф.534. Оп.7. Д.393. С.5). В Чили, напротив, победа в профсоюзном движении осталась за коммунистами: в декабре 1921 г. съезд Рабочей федерации Чили принял решение о вступлении в Красный Интернационал профсоюзов; бастионом анархистов стала небольшая, но активная чилийская секция Индустриальных рабочих митра (ИРМ)...

Подытоживая, можно сказать, что революция в России стала для латиноамериканских левых надеждой и одновременно – великой иллюзией. Чары этой иллюзии для одних рассеялись очень быстро. Другие построили на ней свое движение. Так или иначе, события в далекой России наложили неизгладимый отпечаток на процессы развития общественно-политических движений в Латинской Америке.

Список литературы

Дамье В.В. "Вы нас с кем-то спутали..." Аргентинские анархисты и российская революция 1917 года // Левая альтернатива в Латинской Америке / Латиноамериканский исторический альманах. 2016. №17. С.80–99.

Дамье В.В. Забытый Интернационал. Международное анархо-синдикалистское движение между двумя мировыми войнами. Т.1. М., 2006.

Дамье В.В. Либертарное движение на Кубе: от колониальной эпохи до диктатуры Кастро // Социальные движения и социальная политика в XX веке. М., 2015. С.46–72.

Ивкина Л.А. Карлос Балиньо – основатель первой компартии Кубы Левая альтернатива в Латинской Америке / Латиноамериканский исторический альманах. 2016. №17. С.281–290.

более отвратительным оружием". ФОРА выражала протест против репрессий в отношении анархистов в России (РГАС-ПИ. Ф.534. Оп.7. Д.72. Лл.7-8).

Анархистская ФОРА вступила в Международную ассоциацию трудящихся – анархо-синдикалистский Интернационал, образованный в декабре 1922 – январе 1923 г. на конгрессе в Берлине. В свою очередь, сторонники социал-демократов, коммунистов и изгнанные из ФОРА образовали в марте 1922 г. новую объединенную профсоюзную организацию – Аргентинский синдикальный союз (УСА); в его руководстве оказались многие из "анархо-большевиков". Аналогичный раскол произошел в Уругвае: пробольшевистские элементы и анархисты – сторонники "диктатуры пролетариата", исключенные из Уругвайской региональной рабочей федерации (ФОРУ) в 1921 г., создали в 1923 г. Уругвайский синдикальный союз.

В Бразилии разрыв между анархистами и приверженцами Москвы произошел к 1922 г. В 1921 г. эмиссар Коминтерна Жюль Юмбер-Дро встретился в Рио-де-Жанейро с Э. Леуенротом и пытался привлечь его к созданию коммунистической партии. Тот отказался, но направил гостя к Астрожилду Перейре, который согласился возглавить организационную работу [Rodrigues, 1997: 30–31]. В марте 1922 г. была образована Бразильская коммунистическая партия – во главе ее стояли бывшие анархисты, полностью отказавшиеся от своих прежних антигосударственных убеждений.

В Мексике конгресс ВКТ в сентябре 1921 г. принял анархо-синдикалистскую резолюцию, призывавшую решить вопрос о выходе из Профинтерна. Делегация коммунистов в знак протеста покинула съезд [Hart, 1978: 160–161]. В ноябре 1921 г. коммунист Диас Рамирес сообщал в Москву, что анархо-синдикалисты развернули активную пропаганду против компартии и Профинтерна

поступавшей ограниченной информации, многие политические и социальные проблемы двух столь отдаленных регионов казались похожими.

Как и в России, большинство жителей в Латинской Америке обитали в сельской местности; сохранялись крупное помещичье землевладение и крестьянская община. Аграристов и активистов крестьянских движений региона, разумеется, в первую очередь привлекала именно аграрная общинная революция, которая развернулась в России. Характерны строки из письма Сапаты, написанного им в феврале 1918 года и адресованного одному из аграристских военачальников Хенаро Амескуа. Обе революции, продолжал он, "направлены против того, что Лев Толстой называет "величайшим преступлением": против гнусного присвоения земли, которая, являясь собственностью всех людей, как вода и воздух, была монопольно присвоена кучкой могущественных людей, опиравшихся на силу армий и несправедливость законов". Сапата заявлял поэтому, что "дело революционной Мексики и дело России" есть "дело всего человечества" [Цит.: Gilly, 2007:306]. Иными словами, аграристы в Латинской Америке полагали, что революция в России примерным образом разрешила земельный вопрос. Информация об антикрестьянских действиях большевистских властей в годы гражданской войны до Латинской Америки не доходила до начала 1920-х годов. Но уже в конце 1921 г., комментируя голод в Советской России, один из лидеров мексиканских аграристов А. Диас Сото-и-Гама назвал одной из причин нехватки продовольствия в этой стране земельную политику большевиков [Monteón González, 2011: 84]

Стремление провести аналогии между проблемами, стоявшими перед столь отдаленными друг от друга регионами, могло вызываться и схожим местом стран периферии в рамках мировой системы. Российская революция

воспринималась как антиимпериалистическая, то есть, направленная против гегемонии держав капиталистического "центра", а Советская Россия – как пример удачного освобождения периферийной страны, открывающего затем в потенциале дорогу к независимому индустриально-экономическому рывку. Такие мотивы звучали в оценках многих латиноамериканских левых, но особенно импонировали национал-реформистам. Так, правящая элита революционной Мексики, не собираясь "заменять мексиканскую правовую систему советской", хотела использовать советский опыт "в сфере массового образования, создания кооперативов, партийной организации и военной дисциплины. Духовное родство, которое, как считала мексиканская элита, существует между мексиканской и большевистской революциями, было основано на ее представлении об их общих целях", целях социальной справедливости [Spenser, 2004: 84].

Позднее, с началом сталинской индустриализации, подобный взгляд, казалось, получил дальнейшее подтверждение. Не случайно уже в 1930-х гг. национал-реформистские теоретики и группировки в ряде стран Латинской Америки предлагали различные модели сильного "корпоративного" государства, способного совершить форсированную модернизацию, и стремились при этом соединить элементы советского сталинизма, итальянского фашизма и германского нацизма ("национальный" и "государственный социализм" в Боливии, режим Р.Франко в Парагвае, отчасти – ранние взгляды колумбийского левого либерала Х. Гайтана).

воеванные "в первый либертарный период" борьбы [La consolidación..., 1922]. Россией управляет "новая каста, выросшая из коммунистической партии" [Escalante, 1922]. Анархистская ФОРА заняла непримиримую линию в отношении Москвы. Осенью 1922 г. она самым решительным образом отклонила приглашение руководства Профинтерна принять участие в работе его конгресса в Москве, как "особенно кровавую иронию". "Наша федерация, – говорилось в ответном послании Федерального совета, – не имеет никаких контактов с этим Интернационалом и не выказывала в отношении его никакой симпатии". Совет выразил "революционную верность всем угнетенным, включая нынешних рабов в большевистской России", и твердую решимость разорвать "недостойную связь с предателями и заговорщиками", которые "обезглавили русскую революцию", заменив ее "отвратительной диктатурой пролетариата" и "беспримерным абсолютизмом нынешнего марксистского государства". Профинтерн воспринимался аргентинскими анархистами как "рабский инструмент коммунистической партии, которая властвует над несчастным российским народом и чья главная цель – восстановить инквизицию и убить все анархистское движение".

Ответ ФОРА был выдержан в тоне резкой отповеди: "... Вы нас с кем-то спутали. Наша позиция абсолютно противоположна вашему Интернационалу и тем более тому преступному делу, которое творится институтами русского правительственного механизма и направлено против всех тех, кто не принимает причастия в соответствии с темной религией, чей основной источник – в священном культе, почитаемом большевистской сектой и направленном, в первую очередь, против анархистов". Аргентинские рабочие анархисты обвинили большевизм и Профинтерн в том, что те "расставляют ловушки трудящимся, вносят смуту в пролетариат, сеют хаос и ведут борьбу иным, еще

мых коммунистами. Однако она шла вразрез с анархо-синдикалистскими принципами независимости от всех политических партий и создания отдельных синдикалистских профсоюзов как основного рычага революции. Призывы сторонников Москвы к слиянию рабочих организаций, не входящих в Амстердамский Интернационал, вызывали тем большее возмущение среди анархистов, что практический опыт сотрудничества с неанархистскими союзами оказался крайне неудачным и принес горькие разочарования. ФОРА-V сетовала на то, что отколовшийся от него синдикалистский профцентр ФОРА-IX, на объединении с которым настаивали сторонники Профинтерна, неоднократно отказывался поддержать совместные забастовочные выступления в 1919–1921 гг. или срывал их. Аналогичные обвинения в адрес мексиканской КРОМ выдвигала ВКТ.

В августе 1921 г. конференция ФОРА-V отвергла вступление в Профинтерн и сместила его сторонников из состава Федерального совета. Объединение с ФОРА-IX было отклонено. Аргентинские анархисты выступили с совместным манифестом "Об удушении анархистской пропаганды в России". С сентября 1921 г. тон анархистской критики в адрес большевиков и Советской России становится еще жестче: "диктатура пролетариата" определяется как новая государственная власть и, следовательно, – отрицание свободы, а репрессии против анархистов оцениваются как проявление и следствие марксистской идеологии. Со страниц "Ла Протеста" аргентинские либертарианцы обвинили большевиков в обмане и предательстве. Ленин "поднял знамя Бакунина", чтобы поднять трудовой народ на революцию, говорилось в еженедельном приложении к газете в феврале 1922 г., поскольку "русский народ склонялся к формам жизни без правительства"; однако затем партия узурпировала власть и отняла все достижения, за-

Марксисты и революция в России

Латиноамериканские марксисты встретили начало революции в России с восторгом. Дух гуманности докатился до империи царей, и революция в России внесет вклад в достижение нового общественного строя, в котором не будет контраста между бедностью и богатством, поскольку собственность перейдет в руки производителей, писал, например, аргентинский сенатор-социалист Энрике Дель Валье Иберлуца в марте 1917 года. "Было бы тяжелой ошибкой полагать, что русская революция является чисто политическим движением", подчеркивал он, утверждая, что дело не ограничится свержением царизма: "В России есть целый ряд давно уже стоящих вопросов – социальных, экономических, политических, моральных, религиозных, – которые требуют революционного решения. Смена политической системы, замена самодержавия конституционной и парламентской монархией или республикой – какой бы великой и экстраординарной она ни была – не решит сама по себе великие проблемы... Рабочие не могут довольствоваться завоеванием представительного режима" [Del Valle Iberlucea, 1934:29].

Однако уже вскоре после Октября 1917 г. в рядах социалистов началось размежевание, связанное с различным отношением к большевистскому эксперименту. Их радикальное крыло восприняло революционное свержение Временного правительства и приход к власти большевиков, установивших так называемую "диктатуру пролетариата", как подтверждение необходимости разрыва с реформизмом и парламентаризмом.

В январе 1918 г. аргентинские социалисты – противники вступления в мировую войну образовали Интернациональную социалистическую партию (ИСП) Аргентины, которая стала ссылаться на российский пример. "... Рабочий класс

имеет великую и немедленную миссию: похоронить войну. Революционный импульс, как кажется, пересекает планету. Он начался в России и распространяется по всем уголкам мира, – говорилось в манифесте партии. – Его цель – установление социализма. Направляя взор на столь великий идеал, мы хотим быть агентами революционной трансформации в этой части Америки" [Цит. по: Massardo, 2008: 121]. Социалистическая партия в Мексике склонилась к ориентации на большевизм под влиянием революционных эмигрантов (выходцев из США Чарльза Филипса и Хосе Альена, индийца М.Н.Роя) и мексиканского активиста Мануэля Диаса Рамиреса, которые находились в тесном контакте с приехавшим в страну российским коммунистом М.М. Грузенбергом (Михаилом Бородиным). В ноябре 1919 г. она сменила название на Коммунистическую партию Мексики и объявила о своем присоединении к Коммунистическому Интернационалу [Melgar Вао, 2001: 376–379].

Коминтерн уже в 1919 г. начал предпринимать усилия по созданию в Латинской Америке организаций своих сторонников. 8 декабря 1919 г. в Мехико было объявлено о создании Латиноамериканского бюро III Интернационала, просуществовавшего до 1921 г. В его первый состав вошли мексиканцы Элена Торрес и Антонио Руис, североамериканцы Мартин Брюстер и Х. Альен и перуанец Леопольдо Урмачеа; позднее к ним присоединились и другие. Бородин и Филипс вскоре покинули Мексику. Бюро приняло решение создавать в странах континента ячейки, а затем созвать Латиноамериканский коммунистический конгресс. В 1921 г. работу бюро возглавили приехавшие в Мексику Катаяма Сен, Луис Фрайна и Ч. Филипс [Melgar Вао, 2001: 380, 382, 386].

Характерно, что, подобно тому, как это происходило в странах Азии, работа Коминтерна в Латинской Америке была нацелена первоначально отнюдь не только на марк-

штадтского восстания и разгрома анархистского движения в России большевистской диктатурой. Большую роль в информировании анархистов региона сыграли статьи и брошюры таких видных представителей международного движения, как немецкие анархо-синдикалист Рудольф Роккер и Аугустин Сухи, американские анархисты Эмма Гольдман и Александр Беркман и др. Еще одним источником информации о положении в России служили сообщения русских анархистов (А. Горелика и др.), публиковавшиеся в выходившем с 1920 г. в Буэнос-Айресе журнале "Голос труда", органе Федерации российских рабочих организаций Южной Америки, и распространявшиеся Рабочей издательской группой в Аргентине. Позже они переводились на испанский язык [Дамье, 2016: 91–92].

Еще одной причиной для недовольства анархистов стала профсоюзная тактика большевиков и возглавлявшегося ими Профинтерна. В "Условиях приема в Коммунистический Интернационал" ("21 условия"), утвержденных на II конгрессе Коминтерна в августе 1920 г., был закреплен курс на создание международного объединения "красных профессиональных союзов, примыкающих к Коммунистическому Интернационалу". Оно планировалось как альтернатива Амстердамскому Интернационалу профсоюзов, который контролировался социал-демократией. В то же время, была одобрена линия на работу в крупных реформистских профсоюзах, где предполагалось оттеснить реакционную "профсоюзную бюрократию". В них следовало "образовывать коммунистические ячейки, которые длительной и упорной работой должны завоевывать профессиональные союзы и т.д. для дела коммунизма... Эти коммунистические ячейки должны быть целиком подчинены партии в целом" [Коммунистический Интернационал в документах, 1933: 102]. Из этого вытекала установка на создание объединенных крупных профсоюзов, руководи-

не является переходным шагом к свободе и может быть устранен лишь новой революцией. Большевистский, марксистский коммунизм не имеет ничего общего с анархистским коммунизмом, поскольку марксизм "всегда мечтает о централизации и диктатуре ради утверждения в такой форме коллективистского государства". Соответственно, "диктатура пролетариата" есть, по сути, диктатура большевистских вождей над пролетариатом, а Советы – отнюдь не революционный комитет, а орудие партии [Antilli, 2014]. В Бразилии Флорентину ди Карвалью писал 20 марта 1920 г. на страницах "А Плебе": "Неправда, что мы, анархисты, – приверженцы диктатуры, закона, государства. В России, например, они настолько не соответствуют диктатуре пролетариата, что поддержали настоящие бои против максималистов (большевиков, – В.Д.) на улицах Петрограда и Москвы". Позднее Карвалью осудил создание Либертарной коммунистической партии и заявил, что, на основании изученных им документов, режим в России "по сути противоположен нашим принципам" [Cubero, 2007:4]. В Чили анархист Хосе Сантос Гонсалес Вера подчеркивал в ноябре 1921 г. на страницах студенческого либертарного журнала "Кларидад": "Наша симпатия к революции не распространяется на режим, который сейчас устанавливается в России, потому что этот режим столь же или даже еще более авторитарен, чем в других странах... Если ему удастся удержаться, он превратит Россию в слегка коллективистскую республику, в которой, разумеется, трудящиеся будут лучше вознаграждаться, но сохранится буржуазия, превращенная в бюрократию" [цит. по: Grez Toso, 2013: 195–196].

Однако такие голоса первые годы оставались одиночками. Размежевание с большевизмом началось в 1921 г. Отношение к революции в России в ФОРА и среди большинства анархистов в Аргентине резко ухудшилось, когда в Латинской Америке стали известны детали подавления Крон-

систских социалистов. Большевики надеялись привлечь к создаваемому ими течению также активных анархистов, синдикалистов и других левых – но, разумеется, под своим собственным идейно-политическим контролем. Так, например, на Кубе первым контактом коминтерновцев стал видный рабочий-анархист Марсело Салинас, сотрудничавший с социалистами. С ним связался Филипс, и в декабре 1919 г. Салинас даже подал просьбу о приеме в Коминтерн. Лишь позднее большевикам удалось привлечь на свою сторону марксистов: летом 1922 г. Социалистическое объединение Гаваны постановило выйти из Второго Интернационала и присоединиться к Третьему, а в марте 1923 г. переименовалось в Коммунистическое объединение [Ивкина, 2016: 287–288]. В Мексике поддерживались отношения с самыми различными течениями – как в составе реформистской Мексиканской региональной рабочей конфедерации (КРОМ), так и вне ее. В середине 1921 г. КРОМ направила в Москву для установления контактов с Профинтерном генерального секретаря Эулалио Мартинеса и Фернандо Родарте, которые провели переговоры с руководством международного большевистского профобъединения [Таibo, 1986: 157]. В докладе, представленном Учредительному конгрессу Профинтерна (РГАСПИ. Ф.534. Оп.7. Д.393. Лл.7-17), Мартинес охарактеризовал КРОМ как революционную организацию, ведущую классовую борьбу. Одновременно Москва развивала связи с параллельным мексиканским профобъединением, которое было образовано анархо-синдикалистами и коммунистами – Всеобщей конфедерацией трудящихся (ВКТ). На конгрессе Профинтерна ее представлял коммунист Мануэль Диас Рамирес. Москва потребовала от обоих профцентров объединения, надеясь, что коммунисты смогут добиться влияния в едином профсоюзном движении страны, но эта линия не встре-

тила понимания ни в КРОМ, ни у анархо-синдикалистов [Taibo, 1986: 157].

В Центральной Америке бюро Коминтерна в 1920–1921 гг. смогло установить связи с рабочими, профсоюзными и анархо-синдикалистскими организациями Гватемалы, Панамы и создать коммунистические группы [Melgar Bao, 2001: 392–393].

Направленные в Южную Америку (прежде всего, в Аргентину и Чили) эмиссары Коминтерна Феликс Вайль (Б. Лусио), Максимилиан Коэн (Генри Аллен) и Михаил Комин-Александровский также наладили контакты связи с широким спектром левых и радикальных движений [Rapoport, 2014]. Александровский и М. Машевич еще в 1920 г. посетили Москву как представители организаций русских рабочих в Аргентине, и 7 сентября 1920 г. Малое бюро Исполкома Коминтерна постановило отказаться от каких-либо отношений с Социалистической партией Аргентины, однако предложить сотрудничество ИСП и обеим ФОРА. Было решено "оказать финансовую поддержку партии социалистов-интернационалистов и коммунистической федерации (ФОРА V конгресса, – В.Д.) через т. Катаяму". Машевич привез ИСП 20 тыс. песо в конце 1920 г. [Казаков, Российские рабочие организации, 2016: 279–280]. В декабре 1920 г., под влиянием Коминтерна, ИСП сменила имя на Коммунистическую партию Аргентины. В Чили Социалистическая рабочая партия объявила о присоединении к Коминтерну в декабре 1920 г., провозгласив полную симпатию к "русской революции и советскому строю", который "заменил капиталистическое государство в России" [Очерки истории Чили, 1967: 258]. Через год СРП стала называться Коммунистической партией Чили. Формирование пробольшевистской партии в Бразилии происходило в острой полемике с анархистами.

скую ФОРА", а в 1921 г. направил делегата Т. Баркера на конгресс Профинтерна в Москву [Дамье, 2016: 88–91].

В других странах Латинской Америки в 1919–1921 гг. также существовало сотрудничество между анархистами и сторонниками Москвы.

Так, в Мексике анархистская группа "Свет" в 1919 г. образовала Коммунистическую федерацию мексиканского пролетариата. В феврале 1921 г. федерация созвала профсоюзный съезд, на котором была учреждена Всеобщая конфедерация трудящихся (ВКТ). Хотя профобъединение выступало за либертарный коммунизм, в его рядах и руководящих органах состояли не только анархо-синдикалисты, но и коммунисты. ВКТ объявила о признании "диктатуры пролетариата", понимаемой как беспартийное самоуправление рабочих и крестьян через Советы, и заявила о присоединении к Профинтерну [Дамье, 2006: 173–174]. В Рабочей федерации Чили (ФОЧ) анархисты и будущие коммунисты в 1918–1920 гг. действовали совместно, противостоя реформистам. На съезде профобъединения в декабре 1919 г. они добились принятия декларации принципов, в которой провозглашалась цель замены капитализма Рабочей федерацией, берущей в свои руки управление производством [Дамье, 2006: 180]...

Правда, уже в 1919 г. стали раздаваться первые критические голоса в адрес большевизма и российского опыта. Так, известный аргентинский анархист Теодоро Антиллы выступил с развернутой статьей, в которой указывал на то, что большевики отнюдь не заменяют партии и политические институты власти вольными Советами, но подменяют буржуазный режим другим, государственным. Он и другие авторы газеты "Трибуна пролетария" оценивали большевизм как продолжение этактистской социал-демократии, с ее концепцией "переходного государства" и сотрудничеством с буржуазией, и заявляли, что он вовсе

чая федерация" (ФОРА-V), приветствовала революцию в России как продолжение и триумф долгой традиции всемирного движения за свободу, отмечая, что "полный разгром государственного режима" открывает новые перспективы для анархизма. Она стала "последним краем тропы, проложенной эпохой жестокости и преступлений", началом новой эры во всем мире, когда люди смогут построить новое, свободное общество, как начало мировой революции [цит. по: Pittaluga, 2002: 73–75]. Анархисты пытались даже найти оправдание лозунгу "диктатуры пролетариата", которую они пытались истолковать не как новую форму государственной власти, а как всего лишь акты насильственной экспроприации капиталистической собственности снизу и борьбу с вооруженной контрреволюцией [Pittaluga, 2002: 77]. Анархистский журнал "Прометео" называл "пролетарскую диктатуру" – "социальной фатальностью", подкрепленной необходимостью добиться полной победы революции и гарантировать новый образ жизни. "Поскольку триумф коммунистического дела в России способствовал большему благополучию для всего общества, мы должны придавать как можно меньшее значение диссонансам, которые вырастают из определенных действий, совершенных Лениным и Троцким, – писал журнал. – Как бы то ни было, они – всего лишь переходные персонажи. Историю нельзя остановить; чтобы она остановилась, должны исчезнуть мы. А мы существуем" [Santos Ferraris, 1919: 3].

В новом составе Федерального совета ФОРА-V, избранном в 1919 г., тон задавали сторонники сотрудничества с российскими большевиками [Bericht, 1925: 99–101]. В анархистском движении сложилось "анархо-большевистское" течение, которое добивалось принятия принципа "диктатуры пролетариата" и объединения с ФОРА-IX. Хотя эта линия не получила одобрения на конгрессе ФОРА-V осенью 1920 г., профцентр переименовал себя в "Коммунистиче-

Таким образом, в начале 1920-х гг. Коминтерну удалось создать в Латинской Америке ориентирующееся на него политическое течение. Однако история дальнейших отношений коммунистических партий и групп с Москвой достаточно непростая и извилистая. Она сопровождалась ожесточенной внутривнутрипартийной борьбой, расколами, а также периодическими попытками оторваться от слишком детального копирования российско-советского опыта и найти сравнительно самостоятельную социалистическую линию. Одним из самых известных теоретиков латиноамериканского марксизма в 1920-х гг. выступил перуанец Хосе Карлос Мариатеги, который, наряду с провозглашением приверженности "марксизму-ленинизму", отстаивал такие элементы регионального своеобразия, как наличие общинных традиций, индейский фактор и неспособность, по его мнению, национальной буржуазии играть позитивную роль в антиимпериалистической борьбе.

Напротив, латиноамериканские марксисты, выбравшие социал-реформистскую линию, вскоре оценили опыт большевиков как негативный. Во многом, именно отталкиваясь от его неприятия, они разрабатывали свою реформистскую стратегию перемен. Выступая в 1920 г., лидер аргентинских социалистов Хуан Хусто озвучил ключевой, на его взгляд, вопрос в полемике со сторонниками большевистской модели: "Должны ли мы, аргентинские социалисты, обратить свое главное внимание на Россию или на более близкие к нам страны?". И тут же уточнил, что под "более близкими" он имеет в виду такие страны, в которых проводятся существенные социальные реформы – например, Австралию [Da Orden, 2007:37].

Тем не менее, собравшаяся в 1919 г., по инициативе Социалистической партии Аргентины (СПА), Панамериканская социалистическая рабочая конференция (с участием представителей Аргентины, Боливии, Парагвая, Перу,

Уругвая и Чили) направила заявления поддержки рабочим России, Венгрии и Германии [Alba, 1968: 114–115]. Объясняя политическую дилемму, с которой столкнулись аргентинские социалисты в связи с революцией в России, историк Р. Уолтер отмечает два разнонаправленных мотива: "С одной стороны, партия не могла отмежеваться от большевистского режима, не показавшись вставшей в один ряд с аргентинскими правыми и не сузив еще больше свои отношения с теми членами, которые считали, что партия отделилась от интересов пролетариата. Как можно отрицать первую успешную марксистскую революцию? С другой стороны, слишком тесно идентифицировать себя с революционными большевиками означало бы пойти прямо против 25 лет реформистской, ненасильственной, парламентской и политической истории партии" [Walter, 1977: 176]. В СПА имелись как сторонники сближения с Коминтерном, так и противники такого выбора. К примеру, сенатор Дель Валье Иберлуца в 1920 г. заявил, что большевики в России осуществляют кардинальные положения марксистской теории, установив диктатуру пролетариата и осуществляя социализацию экономики, а российские Советы являются "подлинной демократией", намного превосходящей демократию буржуазную [Del Valle Iberlucea, 1934: 49–71]. Он и его сторонники призывали СПА присоединиться к Коммунистическому Интернационалу, порвав с линией II Интернационала и "центристами" [Del Valle Iberlucea, 1934: 109–147]. В конце 1920 г. приверженцы III Интернационала в партии начали издавать газету "Херминаль", добиваясь "разрыва" с реформизмом и адаптации к новым условиям, порожденным мировой войной и революцией в России.

Напротив, лидеры СПА Х. Хусто и А. де Томасо в начале 1919 г. посетили Европу и встречались в Берне и Амстердаме с представителями социал-демократических партий

анархо-синдикалистские профсоюзы подняли всеобщую стачку и восстание в Рио-де-Жанейро, Нитерое, Петрополисе, Маже и Баже, намереваясь создать рабочую "республику Советов". Во главе Совета, руководившего восстанием, стоял анархист Жозе Ойтисика, профессор колледжа [подробнее о восстании в ноябре 1918 г. см.: Addor, 1986]. Хотя выступление было подавлено, бразильские анархисты сохраняли прежние ориентиры. В марте 1919 г. они объявили о создании Либертарной коммунистической партии, в июне того же года провели "первую коммунистическую конференцию" в Рио-де-Жанейро. В программном тексте "Что такое максимализм или большевизм? Коммунистическая программа", который был написан Элио Негро и Эдгаром Леуенротом, утверждалось, будто в Советской России установлена "переходная политическая и экономическая организация" общества – "Федеративная Республика Советов". Она будет сохраняться до тех пор, пока продолжится революционная ситуация" в виде власти городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства", нацеленной на уничтожение эксплуатации человека человеком и победу социализма, при котором не будет ни классов, ни государства [Cubero, 2007:4]. В этом же документе предлагался план Советской республики в Бразилии: в каждом населенном пункте должны были быть созданы коммуны или советы, понимаемые не как исполнительные органы, а как общие собрания рабочих и крестьян. Делегаты от этих "советов" составляли "народный комиссариат", избравший исполнительный комитет и специализированные комиссии. Экономика и общественные службы должны были быть социализированы.

В Аргентине газета "Ла Протеста", которая фактически являлась главным изданием анархистского движения страны и неформальным органом многотысячного анархистского профцентра "Аргентинская региональная рабо-

люционировало к "анархо-большевизму", а затем и просто к большевизму. Отношение к "российскому опыту" глубоко раскололо латиноамериканский анархизм и поставило его перед решающим выбором.

Первоначально анархисты Латинской Америки, как и во многих других регионах планеты, сочли революцию в России началом мировой революции. Мексиканский анархист Роберто Флорес Магон в статье, опубликованной в марте 1918 г., прокомментировал антивоенные и антикапиталистические заявления Ленина и назвал его "революционной фигурой, которая все больше сияет в хаосе условий, существующих по всему миру". Возглавляемое им движение вольно или невольно вызовет "великую мировую революцию, которая уже стучится в двери всех народов..." [Flores Magon, 1918]. Энтузиазм был настолько силен, что многие анархисты даже объявляли, что революция в России является почти анархистской или, во всяком случае, открывает прямую дорогу к тому общественному устройству, за которое ратует анархизм. Как выразился ведущий кубинский анархист Антонио Пеничет, "большевизм – это ни социализм, ни анархизм, но близок и к тому, и к другому, вбирая из них энергию, необходимую для движения вперед... От большевизма будет гораздо легче перейти к анархизму, чем от нынешней социальной системы" [цит. по: Дамье, 2015: 50].

В Бразилии анархист Астрожилду Перейра писал в августе 1918 г., что "российская революция – это подлинная либертарная революция против существующей буржуазной системы собственности и власти" [цит. по: Barbosa Nébias, 2009:153]. Анархо-синдикалисты организовывали забастовки и восстания, объявляя о создании Советов – как им казалось, на российский манер. Они называли свои группы "максималистскими" (так переводилось слово "большевистские") или "коммунистическими". В ноябре 1918 г.

и профсоюзов, обсудив с ними вопросы возрождения мирового социалистического движения. Получив от европейских коллег информацию о диктаторской политике большевиков, они распространяли ее в Аргентине. С ноября 1920 г. противники Коминтерна в СПА выпускали свой печатный орган – "Демокрасия социалиста". Они подчеркивали неприемлемость централистского контроля над деятельностью отдельных партий и неприменимость "21 условия" вступления в Коминтерн к условиям Аргентины. От имени парламентской группы СПА, Хусто представил партии "Программу международного социалистического действия". В этом документе он подверг критике II Интернационал за непонимание экономических проблем международного соперничества, "неосознанный империализм" и неспособность противостоять национализму. В то же самое время, лидер СПА обвинил III Интернационал в том, что тот не обращает должного внимания на эти же вопросы, стремится контролировать деятельность отдельных партий и не учитывает изменения в структуре мирового хозяйства. Хусто высказался за создание нового Интернационала, свободного от ошибок II и III и основанного на социалистической программе, которая будет признавать равенство рас, добиваться международного трудового законодательства, устранение торговых барьеров и господства иностранного капитала и введение единой мировой денежной системы, мер и весов.

На съезде СПА в Баия-Бланка в январе 1921 г. умеренное большинство предложило выразить симпатии к российской революции, выйти из II Интернационала и создать новый Интернационал, в соответствии с принципами, сформулированными Хусто. Радикальное меньшинство добивалось присоединения к Коминтерну: Дель Валье Иберлусеа осудил реформизм и высказался за революцию и диктатуру пролетариата, заявив, что буржуазия не позво-

лит осуществить преобразования, даже если социалисты завоюют парламентское большинство. Одновременно он выступил за то, чтобы продолжать использовать парламентскую борьбу, стараясь внести революционные позиции в парламент и политическую систему.

Съезд СПА проголосовал за выход из II Интернационала. Делегаты единогласно и стоя приняли приветствие солидарности с революцией в России. Небольшим большинством голосов были утверждены положения международной программы, предложенной Хусто. Предложения об участии в реконструкции II Интернационала и о присоединении к Коминтерну были отвергнуты. Вскоре после этого в СПА произошёл раскол: многие из приверженцев III Интернационала вышли из партии и присоединились к Коммунистической партии Аргентины [Walter, 1977: 176–179]. Раскол социалистов произошел и в соседнем Уругвае: на съезде существовавшей с 1910 г. Социалистической партии (СПУ) в сентябре 1920 г. победило крыло, выступавшее за ратификацию "21 условия" вступления в Коминтерн. Большинство партии приняло название "Коммунистическая партия Уругвая" ой, меньшинство сохранило организацию под старым именем СПУ.

Так в Латинской Америке, под влиянием различной оценки опыта российской революции, произошел тот же раскол марксистского социализма на партийных коммунистов и социал-демократов, что и по всему остальному миру. Но если в Европе большинство марксистов пошло за социал-демократией, то в Латинской Америке возникла обратная ситуация. В период между двумя мировыми войнами коммунистические партии возникли в таких странах региона, как Аргентина, Мексика, Уругвай, Чили, Бразилия, Гватемала, Гондурас, Куба, Эквадор, Парагвай, Перу, Сальвадор, Панама, Колумбия, Венесуэла, Коста-Рика, Пуэрто-Рико и Гаити. В то же время, к Социа-

листическому рабочему Интернационалу в межвоенную эпоху принадлежали лишь социалистические партии Аргентины и Уругвая, а также созданная в 1933 г. Социалистическая партия Чили. Объясняя причины меньшего распространения "классической" социал-демократии в Латинской Америке, исследователи чаще всего обращают внимание на особенности социальной структуры. Среди важнейших факторов называются такие отличия от Европы, как более низкая доля промышленного пролетариата в регионе; большая социальная гетерогенность; отсутствие мощных, централизованных и жестко организованных профсоюзов, традиционно связанных с массовыми социалистическими партиями; "зависимый тип" развития; господство иностранного капитала и привилегированной олигархии, нехватка финансовых и налоговых ресурсов для осуществления всеобъемлющих институциональных моделей "социального государства" и "классового компромисса" [см., например: Roberts, 1998: 276; O`Toole, 2007: 490–492]. В этой ситуации место социал-демократии в политическом спектре оказалось занято "левым" крылом национал-реформизма, который во второй половине XX столетия установил прочные связи с Социалистическим Интернационалом.

Российская революция и анархисты Латинской Америки

На крайне левом фланге латиноамериканские анархисты, имевшие в тот момент преобладание в рабочем движении ряда стран региона, вначале увидели в Российской революции то, что они хотели – решительный шаг на пути к установлению справедливого и безгосударственного строя анархистского коммунизма. Немалое их число эво-